

Стоило старику Гэ вернуться домой, как он рассказал, что сумел выманить у Гу Дао целый пир. Старуха Гэ слушала и тоже радовалась, но в душе всё равно немного побаивалась.

— Этот мальчишка из семьи Гу ведь проходимец. Если узнает, что мы так задумали, он же нам дом разнесет.

Старик Гэ вытянул шею:

— Да как он посмеет! Он сам сказал: если не приготовит тот самый вкус, платить не надо. А я вот посчитаю, что он не приготовил, и что он мне сделает?

Звучало-то все логично, но старуха Гэ всё равно тревожилась, а старик Гэ лишь махнул рукой, всем видом показывая полное спокойствие.

— Чего бояться? Он молодой парень, что он сделает мне, старику? К тому же, если мы сами станем звать такого хорошего повара, разве сможем достать столько денег?

— Тогда... пусть родственники со стороны невестки заплатят, и всё.

— Ты, старая, совсем уже отупела возраста? — старик Гэ посмотрел на нее с видом, будто зол на железо, которое не стало сталью. — Если те родственники дадут деньги, пир ведь устроят в уездном городе. Нашему Течжу уже там делали Вино полнолуния, если и Теданю в этот раз тоже устроят в городе, куда мы с тобой денем свои старые лица?

Старуха Гэ подумала и поняла, что так и есть. В прошлый раз, когда Течжу исполнялся месяц, сват действительно устроил пир в уездном городе. Пусть он и прошел пышно и с размахом, но из-за этого старики вдоволь наслушались деревенских пересудов. Все говорили, что их сын ушел зятем в чужой дом и продолжает род для другой семьи. Стариков это злило до невозможности, но возразить им было нечем.

Ведь их условия и правда уступали семье сватов, и, если бы они сами захотели устроить Вино полнолуния то, пожалуй, не смогли бы. Сваты именно под этим предлогом и устроили пир у себя. Если в этот раз снова провести всё в уездном городе, старики, наверное, потом и жить в деревне не смогут: плевки деревенских разговоров утопят их обоих.

— Тогда ладно, в этот раз устроим у нас.

Старуха Гэ, собравшись с духом, уже не думала ни о каком Гу Дао: как бы там ни было, это Вино полнолуния должны провести они.

— Тогда завтра сходим в уездный город.

— Сходим.

Старики приняли решение и на следующее утро с самого раннего часа, бодро и с высоко поднятыми головами, отправились в уездный город уговаривать сына.

А Гу Дао тоже поднялся рано и начал хлопотать над свиной Дунпо, которую пообещал старшему брату Гуаню. Свиная Дунпо готовилась похоже на свинину в красном соусе: прежде всего нужно было выбрать хорошую грудинку, непременно нижнюю, где три части жира и две части постного мяса. Убрать запах, отварить, чтобы вышла кровь, затем нарезать грудинку крупными ровными квадратными кусками, а на свиной коже сделать крестообразные надрезы. Так было не только красиво, но и удобнее, чтобы мясо потом пропиталось вкусом.

Следом на дно глиняного горшка выкладывали нарезанные лук и имбирь, аккуратно укладывали внутрь куски мяса, добавляли бадьян, корицу, сушеный перец чили и прочие пряности. Еще соевый соус, заранее приготовленный карамельный цвет, немного желтого вина и чистой воды, и можно было начинать тушить.

Не смотрите, что это всего несколько кусков мяса: чтобы они вдоволь впитали соус и стали мягкими, разваренными и аппетитными, их нужно было томить на слабом огне целый час. Гу Дао вытащил из очага несколько поленьев, оставил мясо тушиться само, а сам позволил себе полениваться и вернулся в комнату немного отдохнуть. Однако в душе он всё время помнил о мясе в котле, поэтому спал очень чутко. Когда первый утренний луч только лег ему на лицо, он медленно открыл глаза.

Не мешкая, он откинул одеяло и пошел на кухню. Стоило поднять крышку, как он увидел: куски грудинки, словно мясное желе, стали румяными и блестели маслом, и один только вид уже пробуждал аппетит. Гу Дао взял палочками один кусок и попробовал; вкус показался ему густым и насыщенным, жирным, но не приторным. Свиная кожа была мягкой, клейкой и упругой, таяла во рту. Жирное мясо - гладкое, нежное и тонкое; стоило лишь прижать его языком, как оно расходило во рту. Постное мясо было плотным, но не сухим, с отличной упругостью на зуб, и еще полным мясного сока.

Вкус тоже был умеренно солено-сладким; ароматы бадьяна, корицы и других пряностей идеально сливались с мясным запахом, оставляя бесконечное послевкусие.

Гу Дао достал изящную коробку для еды, которую специально приготовил старший брат Гуань, и уложил туда свинину Дунпо кусок за куском. Закончив, он еще специально нашел чистую хлопчатую ткань и плотно завернул коробку, после чего положил ее в корзину.

Потом ему всё равно показалось, что этого недостаточно, и он набил внутрь еще немного чистой соломы. Он боялся, что мясо остынет до того, как его донесут, испортит хорошее дело второго брата Гуаня и заодно разобьет его собственную вывеску.

Едва он закончил хлопотать, пришел второй брат Гуань. Ради сегодняшнего приема в ученики он даже специально надел новую одежду и привел себя в особенно опрятный вид.

Гу Дао передал ему корзину, еще раз велел по дороге идти помедленнее и не расплескать мясной соус; только после этого отпустил его.

После ухода второго брата Гуаня Гу Дао добавил в котел, где тушилось мясо, немного картофеля. Потом запарил котел риса и только тогда пошел будить Цзин Яо.

Едва Цзин Яо открыл глаза, как густой мясной аромат, наполнявший всю комнату, сразу заставил его голову закружиться.

— Это и есть свинина Дунпо, о которой говорил муж? Как ароматно.

— Она не только пахнет ароматно, на вкус еще ароматнее. Скорее вставай, я еще положил в котел немного картофеля. Когда он впитает соус, будет вкуснее мяса.

Гу Дао не сказал, что если бы туда добавить еще немного сушеной стручковой фасоли или чего-то подобного, вышло бы еще вкуснее; просто продуктов дома по-прежнему было слишком мало, так что пришлось оставить эту мысль.

В вопросах еды Цзин Яо, естественно, верил всему, что говорил Гу Дао, и, выслушав, тоже с предвкушением стал ждать тушеного картофеля. Он быстро умылся и привел себя в порядок, а Гу Дао тем временем снова сходил на кухню, обжарил тарелку зелени и вместе со всем остальным поставил на стол.

За это время грудинка потушилась еще мягче; жирное мясо выглядело прозрачным и блестящим, словно его уже было трудно удержать палочками. Гу Дао ложкой положил Цзин Яо один кусок, а затем щедро добавил несколько ложек мясного соуса и картофеля поверх риса. Мясной соус мгновенно окрасил белоснежный рис, и изначально пресный рис тоже стал красивым и аппетитным.

Цзин Яо взял ложку, которую передал ему Гу Дао, зачерпнул большую ложку риса с куском мяса и почувствовал, как во рту разливается густой аромат; вкусовые сосочки, еще не полностью проснувшиеся, в один миг раскрылись.

Они вдвоем в комнате ели, погруженные в наслаждение, а вот соседям слева и справа пришлось несладко. С самого утра они чувствовали этот манящий мясной аромат, и от голода у них в животах урчало без остановки. С трудом удалось придавить голод лепешкой и жидкой кашей, но теперь запах снова пришел; так жить уже просто невозможно.

В душах у них невольно прибавилось немного обиды на Гу Дао, но вместе с этой обидой они еще и с досадой злились на самих себя: почему не могут заработать побольше денег, иначе тоже позвали бы Гу Дао к себе домой и прилично устроили целый стол, чтобы поесть как следует. А не так, как сейчас: ради одного только запаха тайком жаться у стены, боясь, что кто-нибудь заметит и станет смеяться.

Гу Дао не знал, что из-за одной свинины Дунпо уже навлек на себя недовольство соседей. Он как раз на кухне обработал оставшуюся грудинку и снова потушил котел картофеля со свиной Дунпо.

Приготовив, он переложил всё в большую фарфоровую чашку, схватил большую курицу-несушку, купленную позавчера в уездном городе, и отправился к соседям из семьи Лю извиняться перед второй невесткой Лю.

— Дядя, тетя.

В этот момент семья Лю как раз только села за стол и готовилась есть. Увидев, что Гу Дао пришел, тетя Лю отложила чашку и палочки и позвала Гу Дао садиться к столу.

Гу Дао покачал головой, поставил свинину Дунпо на стол, а потом опустил и курицу-несушку, которую держал в руках.

— Тетя, я уже ел. На этот раз я специально пришел извиниться перед второй невесткой.

Сказав это, он повернулся ко второй невестке Лю:

— Раньше я украл курицу, с которой вторая невестка возвращалась в родительский дом после свадьбы, это было моей ошибкой. Эта чашка свинины Дунпо - мой подарок в знак извинения второй невестке.

Вторая невестка Лю ничего не сказала, а второй сын семьи Лю, Лю Хэ, заговорил первым:

— Это дело уже так давно прошло. Мясо не нужно, курицу мы примем, и хватит. Тебе самому сейчас живется трудно, рана на голове еще не зажила, забери мясо обратно и подкрепи тело.

Тетя Лю шагнула вперед и взяла Гу Дао за руку.

— Твой второй брат прав. Это мясо забери обратно.

Гу Дао махнул рукой:

— Тетя, разве есть такой порядок - принести вещь и потом забрать обратно? У меня есть деньги, тебе не нужно тревожиться. Сейчас я взял заказы на рыбные шарики, а, может быть, скоро еще и заказ на пир приму. Так что это мясо спокойно оставьте.

Тетя Лю еще хотела уговаривать, но Лю Хэ, увидев искреннее лицо Гу Дао и поняв, что тот, похоже, действительно хочет от души загладить вину, перебил мать:

— Раз так, тогда мы примем. Кстати, я слышал, что ты теперь берешь в деревне заказы на пиры. В будущем собираешься этим заниматься?

Конечно же, нет. Принимать заказы на пиры было для Гу Дао лишь временным планом. Потом, когда он накопит достаточно денег, он непременно захочет открыть собственную закуочную.

Но сейчас говорить об этом было немного рано, поэтому он сказал:

— Пока что да.

Лю Хэ был внимателен и заметил в глазах Гу Дао неудовлетворенность. Подумав, он спросил:

— Хочешь пойти в уездный город торговать с лотка?

В последние дни он часто слышал, как его мать говорит, что Гу Дао изменился, но не принимал это близко к сердцу. Сегодня, увидев его, он понял, что тот и правда сильно переменялся. Не говоря о прочем, взгляд стал гораздо честнее. А главное - он всё еще помнил прежние дурные поступки и думал, как возместить ущерб, значит, его еще можно было спасти. Подумав о том, что их семья всё-таки должна семье Гу за прежнюю милость, а Гу Дао теперь раскаялся и начал исправляться, Лю Хэ решил: раз можно протянуть руку, надо протянуть.

Глаза Гу Дао засияли так, что на лице почти было написано: «Хочу». Но, подумав еще раз, он вспомнил: в уездном городе он уже был, и, чтобы поставить там лоток, наверняка нужно немало денег, а у него таких денег не было. Выражение лица тут же снова потускнело.

— Не падай духом. Я как раз работаю на пристани в уездном городе и знаю там всех, кто торгует с лотков. Там один торговец недавно торопится передать свое место, может, получится договориться.

— Это... правда?

— Конечно правда. Завтра, когда пойду на работу, возьму тебя с собой посмотреть.

Гу Дао в душе обрадовался. Если у него появится место для торговли, значит, будет и стабильный доход.

— Хорошо, завтра рано утром приду за тобой.

После ухода Гу Дао тетя Лю снова села за стол и с некоторым чувством посмотрела на своего сына.

— Завтра помоги Гу Дао поторговаться за то место. Этот ребенок теперь и правда живет по-честному, совсем не такой, как раньше.

Лю Хэ взял палочками кусок картофеля из тушеного мяса и положил в рот; глаза у него тотчас засияли, и он ответил:

— Будь спокойна, матушка. Даже если придется пожертвовать гордостью, я выбью для него честную цену.

Тетя Лю улыбнулась, затем повернула голову и посмотрела на свою вторую невестку.

— Шуфэнь, Гу Дао возместил тебе курицу, еще и принес чашку мяса. Мясо это тоже недешевое. Я знаю, в душе тебе было обидно, но мне кажется, этот ребенок Гу Дао меняется к лучшему. Дадим ему шанс, хорошо?

Вторая невестка Лю прикусила палочки и медленно кивнула. Она и правда не ожидала, что Гу Дао возместит ей курицу, да еще специально принесет мясо и придет извиниться. Она тоже не была мелочным человеком, просто только что была слишком потрясена и какое-то время не знала, что сказать.

Увидев это, тетя Лю просияла от радости.

— Шуфэнь, эту курицу оставь себе. Через несколько дней выбери подходящий день и вместе с Сяо Хэ съезди в родительский дом, навести отца с матерью. Ты уже очень давно не возвращалась к родителям, как раз воспользуйся этим разом, чтобы немного смягчить отношения.

Вторая невестка Лю опустила голову, повернулась и переглянулась с Лю Хэ; на лицах обоих была некоторая неловкость. Лю Хэ уже хотел найти тему и увести разговор в сторону, но вторая невестка Лю решительно отказалась первой:

— Мама, я не поеду в родительский дом. Эту курицу оставим дома, пусть несет яйца для мамы.

— Глупости ты говоришь, девочка. Где это видано, чтобы дочь не возвращалась в родительский дом?

Вторая невестка Лю отложила палочки.

— Мама, я правда не хочу возвращаться.

В прошлый раз, когда она вернулась, она уже ясно увидела лица своих родных. Только из-за того, что принесенные ею вещи оказались поскромнее, они так ее унизили.

Если бы дело было только в том, что они принижали ее, еще куда ни шло, но и о ее муже они не сказали ни одного доброго слова. Отец с матерью были рядом и не только не унимали их, но еще и вместе со всеми ругали ее за глупость, ругали, что она не послушалась и вышла замуж в эту семью. Если бы ее муж не остановил ее тогда, она и правда хотела выругаться им в лицо прямо на месте.

И что не так с тем, за кого она вышла! Она знала, что вышла за человека из крестьянской семьи, на которую они все смотрели свысока, но разве они сами были не такими же?

Ее отец явно был землепашцем, но сам величал себя ученым человеком, к работе в поле не прикасался, целыми днями только и знал, что сидеть в кабинете и читать книги. Но, прочитав всю жизнь, так и не принес домой никакой ученой степени, а всю работу внутри и снаружи дома свалил на ее мать и их трех сестер.

Позже, когда появился младший брат, стало еще хуже. Чтобы содержать учебу отца и младшего брата, их троих сестер использовали каждую за двоих, и целыми днями у них не было ни минуты свободного времени. Когда пришел возраст выдавать их замуж, отец снова стал держаться за свой статус и непременно хотел выдать всех трех сестер за таких же, как он, ученых людей.

Видя, как две старшие сестры после замужества год от года всё больше изматываются, вторая невестка Лю испугалась. Впервые в ней поднялось желание сопротивляться: она, набравшись храбрости, тайно связала свою судьбу с Лю Хэ, а потом угрозой смерти заставила родных выдать ее за него. Хотя она из-за этого окончательно обидела отца с матерью, жизнь у нее, по крайней мере, стала куда лучше прежней. Ела она хорошо, одевалась тепло, семья мужа тоже относилась к ней с вниманием, и по сравнению с родительским домом здесь было лучше неизвестно во сколько раз.

Теперь вторая невестка Лю окончательно охладела к родительскому дому. Возвращаться или нет для нее уже было не важно; она хотела лишь как следует прожить свою жизнь.

Тетя Лю не знала всех этих обстоятельств и еще хотела уговаривать, но, увидев, что лицо невестки изменилось, в конце концов так и не раскрыла рта.□□